Базлев М.М.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь д. 6, ГСП-3
mike.bazlev@gmail.com*

Исследование духовных голосов и видений: вопрос об этиологии

Аннотация. В статье анализируется вопрос об этиологии переживаний духовных голосов и видений, характерных для христианской мистики. Поднимается проблема односторонности суждений в этом вопросе, сформировавшая к XX в. противоборство позиций психиатрического и теологического осмысления. Показывается, что для религиоведческого исследования необходим междисциплинарный подход преодолевающий исходно заданные позиции предопределения

онтологического статуса переживаний. Подход, направленный на поиск объяснения естественных механизмов мышления, лежащих в основе подобного опыта. Исследование показывает, что при отсутствии психопатологических факторов в качестве подобной единой основы обоих видов опыта, благодаря полиморфности мышления, может выступать внутренняя речь, переживаемая в ситуации сбоем как данная Другим. Однако данные замечания к вопросу об этиологии духовных видений и голосов показывают спорность возможности единой общеприменимой теории вне анализа конкретного личностного опыта. Указывается необходимость при религиоведческом исследовании методологической осторожности, и проведения герменевтического и феноменологического анализа жизненного мира человека.

Ключевые слова: религиозный опыт, слуховые вербальные галлюцинации, внутренняя речь, аутокоммуникация, мышление

Mikhail M. Bazlev

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya Sq. 6, Moscow, GSP-3, Russia, 125993
mike.bazlev@gmail.com*

Study of Spiritual Voices and Visions: a Question of Etiology

Abstract. The article analyzes the etiology of experiences of spiritual voices and visions typical for Christian mysticism. The problem of one-sidedness of judgments in this question, which formed a confrontation between the positions of psychiatric and theological reflection by the XX century, is raised. It is shown that an interdisciplinary approach is necessary for religious studies, overcoming the initially given positions of predetermining the ontological status of experiences. The approach is aimed at finding an explanation of the natural mechanisms of thinking underlying such experiences. The research shows that in the absence of psychopathological factors, due to the polymorphism of thinking, the internal speech experienced in a situation of failure as given by the Other can serve as such a single basis for both types of experiences. However, these remarks on the etiology of spiritual visions and voices show that it is questionable whether a single universally applicable theory is possible outside the analysis of a particular personal experience. They point to the need for methodological caution in religious studies and perform hermeneutic and phenomenological analysis of the human lifeworld.

Key words: religious experience, auditory verbal hallucinations, inner speech, autocommunication, thinking

В христианской традиции религиозный опыт часто принимает форму диалога человека с богом. И, хотя христианство достаточно подозрительно относится к необычному опыту, который затрагивает мистику, такому как экстаз, глоссолалии и т.п., оно в меньшей степени сопротивляется духовным видениям и голосам, если те исходят от бога. Однако вне теологического осмысления понимание этих явлений за последние несколько веков претерпело существенное изменение.

Вплоть до XIX в., в целом, видения и голоса понимались как духовные переживания. Но уже к началу XX в., как отмечает Э. Андерхилл, формируется устойчивое противоборство двух крайних позиций в их трактовке, каждая из которых приписывала своим толкованиям статус единственно убедительных [Underhill, 1912, 319–356]. На одной стороне баррикад выступали психологи и психиатры, говорящие о психопатологической нозологии обоих явлений, обозначаемой как *melancholia religiosa*, *paranoia religiosa*, *mania religiosa* и т. д. В рамках патографического направления укреплялась уверенность психиатров в том, что можно ставить и обосновывать психопатологические диагнозы ярчайшим фигурам в истории и, в частности, истории религии. Уверенность, которая со временем была оспорена, но всё же сохранилась и по сей день [Murtagh, Cunningham, Price, 2012, 410–426]. Противоположную позицию занимали сторонники «сверхъестественного», утверждавшие, что многие психические феномены представляют собой чудесное вмешательство в «законы природы». Несмотря на то, что изменения в науке и культуре за последние пятьдесят лет снизили накал этого противостояния, данная диспозиция остаётся во многом актуальна и до сих пор, возможно, благодаря тому, что религия и психиатрия представляют собой две самодостаточные системы, не нуждающиеся зачастую во взаимном объяснении субъективного религиозного опыта.

Однако во избежание односторонности суждений для религиоведческого исследования переживаний, неустанно возникавших в жизни мистиков, таких как Антоний Падуанский, Маргарита Мария Алакок, Генрих Сузо, Тереза Авильская, Екатерина Сиенская, Игнатий Лойола и других, крайне важна возможность междисциплинарного анализа, привлекающего и психологические, и клинико-психопатологические, и философские концепции. Подобный подход при рассмотрении общих для этих дисциплин вопросов неизбежно приводит к их трансформации. Так, вопрос этиологии из патогенеза психического расстройства, принятого в психиатрии, трансформируется в рамках философии в вопрос экзистенциального контекста переживаемого и его онтологического статуса. Это позволяет сместить акцент исследовательского интереса с психопатологического маркирования в сторону объяснения механизмов мышления, лежащих в основе переживаний.

Точкой отсчёта в вопросе об этиологии духовных голосов и видений могут являться исследования слуховых вербальных галлюцинаций (далее – СВГ) последних 35 лет. Они показывают, что в основе опыта «голосов» может находиться собственная внутренняя речь человека, переживаемая в ситуации сбоя самоопределения, как данная *Другим*. Однако можно ли говорить о той же психологической основе и в отношении переживаемых мистиками видений, выражающих себя в ином спектре восприятия? В то же время вопрос формируемых переживанием отношений субъективного «Я» и возникающего в автокоммуникации образа *Другого*, показывает, что существенным вопросом является корректность определения обоих видов опыта, в этом случае в строгом смысле как галлюцинаций.

Разработка моделей осмысления патогенеза СВГ и сути этого феномена последних 30 лет [Мухелишвили, Базлев, 2019, 60–62] позволяет говорить о том, что:

1) СВГ являются феноменом нормального опыта и лишь в совокупности с иными клиническими диагностическими данными становятся проявлениями психопатологии.

2) СВГ могут являться собственной внутренней речью человека, переживаемой им как внешняя речь *Другого*. Иными словами, при СВГ происходит «придание ложной значимости собственной внутренней речи» [Jardri, 2011, 73–81].

3) Возможная причина СВГ – сбой в процессе самоопределения, нейрофизиологическим коррелятом которого являются механизмы Д. Вегнера и С.-Дж. Блэкмор, приводящие к увеличению активности в теменной коре.

4) Данный сбой может быть запущен переживанием «триггерного» события. Дальнейшие исследования СВГ показали, что «триггерным» событием могут выступать переживания горя, духовного прозрения или добровольно диссоциированные состояния: медитация, травматические события, нарушения процесса памяти, продолжительный стресс, сенсорная депривация и др. [Waugh, 2015, e54–e55]. Анализ специфики данных триггерных и фоновых факторов показал, что их можно классифицировать в трёх областях: биологической; психологической; социальной [de Leede-Smith, Barkus, 2013, 1–25]. Эти взаимодействующие факторы могут быть механизмами или триггерами, первый из которых способствует поддержанию, а второй инициирует начало. Однако отношения между этими переменными не являются дискретными, а создают сложную картину, поскольку многогранны и не взаимоисключают друг друга.

Что же касается контекста именно опыта духовных голосов, при которых СВГ обретают в сознании чёткую религиозную коннотацию, исследования в этой области позволили внести в пятую версию классификатора «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» указание, что СВГ переживаются не только как голоса, воспринимаемые как отличные от собственных мыслей человека, но «могут быть *нормальной (обычной) частью религиозного опыта* в определённых культурных контекстах» [Diagnostic and statistical manual, 2013, 88].

Иначе говоря, при анализе СВГ можно выделить ряд контекстов, когда явление подобного опыта скорее является переживанием, индуцированным религиозной практикой. В этом смысле, маркером могут являться исходные данные о предпосылках переживания подобного религиозного опыта. А. Дейкман, исследовавший психологические особенности религиозного опыта, предложил дифференциацию подобного опыта на три типа: «неподготовленно-чувственный», «подготовленно-чувственный» и «подготовленно-трансцендентный» [Deikman, 1966, 324–338]. Свойством первого из них является возможность испытания опыта без внутреннего стремления к нему, когда он спонтанен и неожидан для человека. К категории «подготовленного-чувственного» опыта относят опыт людей, которые сознательно ищут «благодать», «просветление» или же «единение» посредством длительных практик концентрации и отречения. Однако когда активная фаза концентрации созерцания, при которой человека захватывает и поглощает процесс, переходит в стадию самопроизвольного и не требующего усилий внутреннего процесса, происходит переход к опыту «подготовленно-трансцендентальному». Для него необходима пассивность и самоотречение, открытая восприимчивость, происходящая из очищения от наполняющих человека мыслей и чувств, а так же отречение от целей и желаний, направленных на мир. И переживание опыта духовных голосов по первому типу может разительно отличаться от индуцированных по третьему типу. Картина триггерных факторов в этом случае будет разительно отличаться.

Поэтому с точки зрения упомянутой в самом начале диспозиции мнений переживание духовных голосов (как СВГ) не определяет психопатологический статус. Религиозность и психопатологическая симптоматика как нередко переплетаются и сосуществуют одновременно, так и могут быть самостоятельными явлениями. История психиатрии XX – начала XXI веков показывает постепенный переход от тотального определения религиозно-мистического опыта как психопатологии к сомнениям в очевидности и бесповоротности такой маркировки, поскольку сам по себе мистический опыт не является признаком психоза [Dein, Loewenthal, 1999, 101–104]. И внутриспихиатрическая история исследований галлюцинаций и, в частности, слуховых-вербальных, это подтверждает.

И всё-таки возможность данного различения реализуема лишь в работе с конкретным опытом конкретной личности, в перспективе личной истории, культурного бэкграунда и иных факторов влияния. Иными словами, необходим герменевтический и феноменологический анализ жизненного мира человека. Прилагаемые к конкретной ситуации они способны пролить свет на реконструкцию генезиса конкретного опыта, выступая факторами влияния на фактическую работу психологических механизмов мышления [Мухелишвили, Базлев, 2018, 128–139].

Неверным будет утверждать, что эта концепция является единственной. Однако не связанные с внутренней речью гипотезы СВГ [Карур, 2003, 13–23;

Behrendt, Young, 2004, 771–787], дающие утвердительные результаты при анализе картин острых психозов и шизофрении, не рассматривают зачастую тот массив данных, что собирается среди лиц не обладающих психопатологическим диагнозом. Тех, у кого не обнаруживается никаких иных оснований для маркирования психопатологии, кроме факта переживания СВГ. Также ряд исследователей указывает на «слабое место» концепции внутренней речи как основы опыта СВГ, а именно – данные о невербальных галлюцинациях, таких как музыка, крики животных, шум воды, слышимый в голове, и др. Подобные содержания переживаемого опыта, по их мнению, никак не выводятся из внутренней речи [Баклушев, Иваницкий, Иваницкий, 40]. И это замечание обозначает три важных направления исследуемой проблемы – вопрос о коммуникативной структуре внутренней речи, её коде и функциональном значении.

Феномен внутренней речи был объектом интереса ещё в ранний период истории философии, начиная с Платона и Аристотеля [Duncombe, 2016, 105–125]. Мы можем встретить размышления о нём в работах Марка Аврелия, Августина и многих других. Однако неверным будет утверждать, что внутренняя речь в этих работах становилась самостоятельным объектом изучения. Скорее речь идёт о влечении её в суждения о мышлении и душе человека, как представление о разговоре души с самой собой. Семиотический анализ подобного диалога показывает что, хотя субъект, воспринимая свою внутреннюю речь, не узнает о мире того, чего бы он не знал заранее, из этого не вытекает, что в процессе внутренней речи не происходит коммуникации [Лотман, 1973, 227–243]. Так, исходя из двух возможных направлений передачи сообщения, в культуре выделяют две модели коммуникации, используемые для двух разных каналов передачи информации.

Первая из моделей – это канал «Другой – Я», в котором «Другой» – это адресант (автор сообщения), а «Я» – адресат (получатель). В ней адресат оказывается принципиально отделён от адресанта, направляющего ему сообщение [Мухомелишвили, Шрейдер, 1997, 3].

Вторая модель – это канал «Я – Я'», при котором подразумевается нераздельность адресанта с адресатом, что образует автокоммуникацию. В ней восприятие сообщения от внешнего источника состоит в его ассимиляции как внутренней речи, при которой внешний источник, инициирующий автокоммуникацию, «выступает не как сообщение», но «как стимулятор развития мысли» [Лотман, 1973, 231]. Благодаря этому в автокоммуникации не происходит приращения информации, вместо этого происходит изменение личностного горизонта, в котором осмысливается и присваивается уже наличная информация, а в конечном счёте изменяется сама личность.

В XX веке, благодаря стремительному развитию смежного дискурса философии, психологии и семиотики, внутренняя речь становится объектом пристального внимания исследователей. Её систематическое изучение, начиная с конца XIX в., показало её неоднородность. Так, код внутренней речи использует те же языки, что доступны и внешней речи, такие как акустические, графические, коды телодвижений, интонации. Но он также включает в себя знаки из других кодовых систем: это и образы – зрительные, слуховые, обонятельные; представления, понятия, схемы и пр., что пропорционально сочетаются между собой в зависимости от степени «углублённости» внутренней речи [Львов, 2000, 42–45]. Весь этот комплекс называют кодом мышления или мысленным кодом.

Формирование этого кода было описано в первой половине XX в. Л.С. Выготским. Исходя из его теории каждая психическая функция появляется дважды в развитии: во-первых, на интерпсихологическом плане (как функция, распределённая между несколькими отдельными лицами) и, во-вторых, на внутрипсихологической плоскости (как интернализированный вариант этой прежде внешней функции). Интернализация, таким образом, является большим, чем просто копированием внешней речи на интрапсихологический план. Скорее, межличностный диалог, выстраиваемый изначально во внешней речи, в процессе интернализации претерпевает ряд важных преобразований, формируя внутреннюю речь.

Развивая эту идею, Ч. Фернихоу [Fernihough, 2004, 49–68] схематично изобразил процесс интернализации в виде ступенчатой четырёхуровневой модели,

в которой уровень 1 обозначает внешний диалог, уровень 2 – частную речь, уровень 3 – расширенную внутреннюю речь, уровень 4 – сжатую внутреннюю речь. На уровне 1 и дети, и взрослые участвуют в явном вербальном диалоге. На уровне 2 они ведут эти диалоги уже в своей собственной явной (позднее и субвокализованной) частной речи. На уровне 3 частная речь полностью интернализowana и сокрыта, но характер нормального разговора всё ещё проявляется внутри как процесс бесшумного общения с самим собой. На уровне 4 синтаксические и семантические преобразования при интернализации приводят к тому, что внутренняя речь уже не имеет поверхностного сходства с внешним диалогом, из которого она была получена. По Выготскому, главная особенность внутренней речи заключена в её отрывочности, фрагментарности и сокращённости в сравнении с внешней. Она «исключительно предикативна», «полна идиоматизмов», «максимально свёрнута» [Выготский, 1982, 239–240]. Теряя большую часть акустических и структурных качеств внешней речи, значительно сокращаясь и обрстая личными полями значений, внутренняя речь является в значительной мере мышлением чистыми смыслами [Выготский, 1982, 353], при котором без отнесения к конкретной ситуации она оказывается непонятна.

В сложных когнитивных условиях, примером которых выступает СВГ, как отмечает Фернихоу [Fernyhough, 2004, 55–56], может произойти переход от внутренней речи уровня 4 (полностью сжатой) к внутренней речи уровня 3 (расширенной) и даже возврат к уровню 2 (диалогическая личная речь). В то же время, согласно концепции Выготского о социальном происхождении мысли, внутренняя речь сохраняет своё диалогическое качество рассуждения, поэтому мышление естественно пронизано другими голосами, через которые человек в рамках внешнего диалога впитывает суждения о мире. Таким образом, голоса во внутреннем диалоге являются семантическими выражениями взглядов на реальность – так же, как голоса во внешнем диалоге представляют разные взгляды на мир. Зрелая же внутренняя речь – это постоянный диалог между этими внутренними, одновременно удерживаемыми взглядами. Благодаря этому внутренняя речь изначально включает в себя координацию нескольких голосов, что даёт нам понимание проблемы «чужого, но своего» голоса при СВГ.

Однако подход западных исследователей СВГ не до конца учитывает, что внутренняя речь, благодаря своей автокоммуникативной структуре, в некотором смысле тождественна самому процессу мышления. Взаимодействие внутреннего (субъективного) языка и языка натурального (объективного) образует процесс мышления, в котором, цитируя Выготского, «внешняя речь есть процесс превращения мысли в слова, её материализация. Внутренняя – обратный по направлению процесс, идущий извне внутрь, процесс превращения речи в мысль» [Выготский, 1982, 316].

Как отмечает Ф.В. Бассин:

<...> можно привести ряд доводов, теоретических и экспериментальных, в пользу того, что возможности, лёгкость и широта увязывания «чистых смыслов» не только не уступают аналогичным возможностям оречевленных знаний, но даже, по-видимому, значительно превосходят их [Бассин, 1978, 739–740].

Это подтверждается тем, что код внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. Связи элементов в нём предметны, т.е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное правило составляется специально для этого случая, лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции [Жинкин, 1964, 36]. Проведённые Н.И. Жинкиным экспериментальные исследования показали, что в динамике процесса мышления код внутренней речи непроизносим. Зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний, обеспечивающих безграничные возможности постоянно возрождающегося во внутренней речи натурального языка. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию, в результате чего механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях: предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задаётся, во втором она передаётся и снова задаётся для первого звена. В этом смысле, процесс понимания в мышлении

является переводом с натурального языка на внутренний, в то время как обратный перевод образует процесс высказывания.

Благодаря этому кодовому переходу, как показывает М.Ш. Бонфельд, справедливо говорить о полиморфности человеческого мышления, в которой невербальные формы мышления тесно соседствуют с вербальными и наоборот [Бонфельд, 2006]. Такими типами невербального мышления выступают «визуальное мышление» (Р. Арнхейм), «наглядное» (С.Л. Рубинштейн), «практическое» (Выготский), «математическое» (Ж. Адамар), «музыкальное» (Бонфельд) и т.д., основой которых является внутренняя речь, что «как бы сбрасывает с себя выполнение своей первичной функции, её породившей: она перестаёт непосредственно служить средством общения для того, чтобы стать прежде всего формой внутренней работы мысли» [Рубинштейн, 1946, 414–415].

В этом значении внутренняя речь максимально близка самому понятию процесса мышления, что приводит по мнению ряда исследователей к утверждению о терминологическом дублировании и путанице. В то же время в сам термин «внутренняя речь» недифференцированно включались разные по функциям и психофизиологическим проявлениям процессы. Для решения данной проблемы А.А. Леонтьев предложил дифференцировать понятия «внутренняя речь», «внутреннее проговаривание» и «внутреннее программирование» [Леонтьев, 1967]. Согласно этой системе, «внутреннее проговаривание» отражает форму развёрнутой речи про себя, возникающей при решении трудных, непривычных задач. В понятие собственно «внутренней речи» Леонтьев включает интериоризованное речевое действие, осуществляемое в свёрнутой, редуцированной форме, о которой шла речь выше. И наконец, термин «внутреннее программирование» отражает процесс неосознаваемого построения схемы, на основе которой в дальнейшем порождается высказывание. В результате этого процесса внутренняя речь становится средством осуществления интеллектуальных операций. Иначе говоря:

<...> то, что обычно называется (в том числе Выготским) внутренней речью, а нами здесь названо внутренним программированием, как раз и является орудием осуществления мысли, связующим звеном между <...> интенцией и развёртыванием мысли при помощи объективного языкового кода [Леонтьев, Рябова, 1970, 30].

Таким образом, не учитываемый ранее критерий полиморфности мышления указывает на возможность основания и невербальных галлюцинаций на внутренней речи. В контексте нашего вопроса это показывает, что данное основание может быть справедливо и по отношению к переживаемым мистиками видениям – понимаемыми в таком случае в качестве невербальной формы мышления. Иначе говоря, оба вида опыта могут быть осмыслены в рамках единого механизма мышления, выражающего себя в различных формах в зависимости от ситуации. И действительно, в христианской мистической традиции опыт духовных голосов и видений зачастую сопровождают друг друга, давая мистика объяснение явленного внутреннему зору или слуху человека. Они так же могут давать ответ на глубинные вопросы о жизни, или же удовлетворять бессознательные духовные стремления; вызывать чувство глубочайшего наслаждения или, напротив, сожаления о таких переживаниях как грех и страдание [van Merrelo, 1993].

Особенностью религиозного восприятия мистиками подобного опыта является их интеграция в культурный контекст, которая позволяет человеку достигать целостности внутренней жизни [Waugh, 2015, e54–e55]. Справедливо будет и то, что в каждой культуре в разные исторические периоды опыт переживания подобного сбоем обретал значение связи с областью горнего мира, выражаемого в языке конкретной культуры по своему. Примером работы, рассматривающей историю религии в данном свете, может служить работа К. Кука «Слышание голоса демонического и божественного: научные и богословские размышления» [Cook, 2018], в которой автор подвергает анализу библейские, исторические и научные отчёты об опыте духовных голосов в христианской традиции с позиции исследований СВГ последних 35 лет.

И всё же исследования СВГ в целом не учитывают отличия феноменологических черт истинных галлюцинаций от тех, что характерны описаниям духовных голосов и видений в христианской традиции:

2) во-вторых, они воспринимаются мистиками как род откровения, ниспосланного ему богом в знак особого благоволения к нему. Иначе говоря, имеют характер пассивного восприятия опыта как «дара»;

3) в-третьих, источник голосов и видений зачастую находится во внутреннем существе самих мистиков, описывающих их восприятие не телесными органами восприятия, а «внутренним взором», «внутренним слухом», «слышание или видение духом», и т.д;

Данные феноменологические характеристики указывают на то, что в случае духовных видений и голосов корректнее говорить о псевдогаллюцинациях, чем об истинных. Этот термин был впервые введён Ф.В. Гагеном в 1868 г. в его работе «О теории галлюцинаций» [Hagen, 1868] и был в дальнейшем разработан В.Х. Кандинским в труде «О псевдогаллюцинациях» [Кандинский, 1890]. В отличие от Э. Крепелина и Э. Блейлера, Кандинский указал, что подобный опыт бывает не только в случае психопатологии, где имеет весьма большое значение, но также и у людей психически здоровых, что подтверждается современным положением вопроса. Опираясь на работу Кандинского, К. Ясперс в начале XX в. ввёл это различие в общемировую практику клинической диагностики [Jaspers, 1913]. Однако за несколько десятилетий терминологическая путаница и перегруженность понятия привела к тому, что уже к концу XX в. возможность чёткой дифференциации псевдогаллюцинаций от истинных в клинической практике была оспорена [Slade, Bentall, 1988]. Это привело к постепенному отказу от использования термина «псевдогаллюцинация», особенно в англоязычной литературе.

Дифференциация непсихотических галлюцинаций от истинных указывает на то, что требуется более пристальное внимание в вопросе критики основы духовных голосов и видений на внутренней речи. Феноменологический анализ показывает, что подобный опыт в непатологических случаях требует объяснения не связанного с нарушением психофизиологических процессов. Их спонтанность, кратковременность, интенциональная направленность указывает на характер сбоя, вызванного рядом триггерных факторов. При этом концепция полиморфности мышления показывает, что код внутренней речи включает в себя как вербальные, так и невербальные составляющие, дающие объяснения единого механизма мышления как в случае «голосов», так и «видений». Интернализация этого кода из жизненного опыта человека, дающего контекст для формирования значений, поясняет разницу в содержании опыта у различных людей. Метафоричность же этого кода показывает, что это содержание интерпретируется человеком на основании тех интенциональных установок, которые характерны конкретной личности.

Заключение

Резюмируя, можно сказать, что данные замечания к вопросу об этиологии духовных видений и голосов не позволяют выделить единую общеприменимую теорию о причинах возникновения данных видов опыта и процесса их переживания, вне анализа конкретного личностного опыта. Множество параллельно существующих и влияющих факторов формируют каждый раз индивидуальную картину. И при анализе необходимо учитывать возможность актуальности в конкретном случае основания такого опыта как автокоммуникативного диалога во внутренней речи в ситуации сбоя в идентификации собственного «Я», так и варианта патологических психофизиологических изменений в работе организма человека. Подобная осторожность позволяет преодолеть исходно заданные позиции предопределения онтологического статуса переживаний, принятые в психиатрии и теологии.

Список сокращений

Слуховые вербальные галлюцинации – СВГ

Библиографический список

1. Баклушев, М.Е. Нарушение оценки значимости информации при шизофрении / М.Е. Баклушев, Г.А. Иваницкий, А.М. Иваницкий // Успехи физиологических наук. – 2016. – № 1. – С. 34–47.
2. Бассин, Ф.В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления / Ф.В. Бассин // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.
3. Бонфельд, М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление: Опыт системного исследования музыкального искусства / М.Ш. Бонфельд. – СПб.: Композитор, 2006. – 648 с.
4. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – 504 с.
5. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
6. Кандинский, В.Х. О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. / В.Х. Кандинский. – СПб.: Издание Е.К. Кандинской, 1890. – 164 с.
7. Леонтьев, А.А. Фазовая структура речевого акта и природа планов / А.А. Леонтьев, Т.В. Рябова // Планы и модели будущего в речи (материалы к обсуждению). – Тбилиси, 1970.
8. Леонтьев, А.А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания / А.А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения языку. – М.: Изд-во МГУ, 1967.
9. Лотман, Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – 1973. – № 6. – С. 227–243.
10. Львов, М.Р. Основы теории речи / М.Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.
11. Мухелишвили, Н.Л. О видениях в «Духовном Дневнике» Игнатия Лойолы / Н.Л. Мухелишвили, М.М. Базлев // Религиоведение. – 2018. – № 3. – С. 128–139.
12. Мухелишвили, Н.Л. Внутренняя речь и дар слова (loquēla) / Н.Л. Мухелишвили, М.М. Базлев // Вопросы психологии. – 2019. – № 2. – С. 59–68.
13. Мухелишвили, Н.Л. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации / Н.Л. Мухелишвили, Ю.А. Шрейдер // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1997. – № 5. – С. 1–10.
14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
15. Behrendt, R.P. Hallucinations in schizophrenia, sensory impairment, and brain disease: a unifying model / R.P. Behrendt, C. Young // Behav. Brain Sci. – 2004. – V. 27 (6). – P. 771–787.
16. Cook, C. Hearing voices, demonic and divine: scientific and theological reflections / C. Cook. – London: Routledge, 2018. – 258 p.
17. Leede-Smith de, S. A comprehensive review of auditory verbal hallucinations: lifetime prevalence, correlates and mechanisms in healthy and clinical individuals / S. de Leede-Smith, E. Barkus // Frontiers in human neuroscience. – 2013. – Vol. 7 (367). P. 1–25.
18. Deikman, A.J. De-automatization and the Mystic Experience / A.J. Deikman // Psychiatry. – 1966. – V. 29 (4). – P. 324–338.

19. Dein, S. Editorial / S. Dein, K.M. Loewenthal // *Mental Health, Religion & Culture*. – 1999. – V.2 (2). – P. 101–104.
20. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed. / American Psychiatric Association. – Washington, DC: American Psychiatric Association, 2013. – 947 p.
21. Duncombe, M. Thought as Internal Speech in Plato and Aristotle / M. Duncombe // *Logical Analysis and History of Philosophy*. – 2016. – № 19. – P. 105–125.
22. Fernyhough, C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations / C. Fernyhough // *New Ideas in Psychology*. – 2004. – V. 22 (1). – P. 49–68.
23. Hagen, F.W. Zur theorie der hallucination / F.W. Hagen // *Allg. Z. Psychiatr.* – 1868. – № 25. – P. 1–107.
24. Jardri, R. Cortical activations during auditory verbal hallucinations in schizophrenia: a coordinate-based meta-analysis / R. Jardri, A. Pouchet, D. Pins, P. Thomas // *Am. J. Psychiatry*. – 2011. – V. 168 (1). – P. 73–81.
25. Jaspers, K. *Allgemeine Psychopathologie* / K. Jaspers, 1st ed. – Berlin: Springer, 1913.
26. Kapur, S. Psychosis as a state of aberrant salience: a framework linking biology, phenomenology, and pharmacology in schizophrenia / S. Kapur // *Am. J. Psychiatry*. – 2003. – V. 160 (1). – P. 13–23.
27. Murray, E.D. The role of psychotic disorders in religious history considered / E.D. Murray, M.G. Cunningham, B.H. Price // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. – 2012. – V. 24 (4). – P. 410–426.
28. Slade, P.D. *Sensory Deception: A Scientific Analysis of Hallucination* / P.D. Slade, R.P. Bentall. – London: Croom Helm, 1988.
29. Underhill, E. *Mysticism: A Study of the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness* / E. Underhill, 4rd ed. – London: Methuen, 1912. – 600 p.
30. Zwaard van der, R. A. Pseudohallucinations: A pseudo-concept? A review of the validity of the concept, related to associate symptomatology / R. van der Zwaard, M. Polak // *Comprehensive Psychiatry*. – 2001. – V. 42 (1). – P. 42–50.
31. Merrelo van A. *Religion and Mysticism* / A. van Merrelo, T. van der Stap // *Accepting Voices*. – London: Mind Publications, 1993.
32. Waugh, P. The novelist as voice hearer / P. Waugh // *The Lancet*. – 2015. – V. 386. (10010). – P. e54–e55.

Текст поступил в редакцию 07.05.2020.

Принят к публикации 07.07.2020.

Опубликован 08.10.2020.

References

1. Baklushev M.E., Ivanickiy G.A., Ivanickiy A.M. *Uspehi fiziologicheskikh nauk* [Advances in physiological sciences]. 2016, no. 1, pp. 34–47 (in Russian).
2. Bassi, F.V. *Bessoznatel'noe: priroda, funkcii, metody issledovaniya* [Unconscious: nature, functions, research methods]. Tbilisi: Mecniereba, 1978. Vol. 3 (in Russian).
3. Bonfel'd M.Sh. *Muzyka: Jazyk. Rech'. Myshlenie: Opyt sistemnogo issledovaniya muzykal'nogo iskusstva* [Music: Language. Speech. Thinking: Experience in systemic music art research]. St. Petersburg: Kompozitor, 2006, 648 p. (in Russian).
4. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij. T.2: Problemy obshhej psihologii* [A collection of essays. Vol. 2: Problems of General Psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982, 504 p. (in Russian).
5. Zhinkin N.I. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1964, no. 6, pp. 26–38 (in Russian).
6. Kandinskij V.H. *O psevdogallucinacijah. Kritiko-klinicheskij jetjud* [About pseudogallucinations. Critical and clinical essay]. St. Petersburg: Izdanie E.K. Kandinskoj, 1890, 164 p. (in Russian).
7. Leont'ev A.A., Rjabova T.V. *Plany i modeli budushhego v rechi (materialy k obsuzhdeniju)* [Future plans and models in speech (materials for discussion)]. Tbilisi, 1970 (in Russian).
8. Leont'ev A.A. *Voprosy porozhdenija rechi i obuchenija jazyku* [Speech generation and language learning issues]. Moscow: Izd-vo MGU, 1967 (in Russian).
9. Lotman Y.M. *Trudy po znakovym sistemam* [Sign Systems Studies]. 1973, no. 6, pp. 227–243 (in Russian).
10. L'vov M.R. *Osnovy teorii rechi* [Basics of speech theory]. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademija", 2000, 248 p. (in Russian).
11. Muskhelishvili N.L., Bazlev M.M. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 3, pp. 128–139 (in Russian).
12. Muskhelishvili N.L., Bazlev M.M. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2019, no. 2, pp. 59–68 (in Russian).

13. Muskhelishvili N.L., Shreider Y.A. *Nauchno-tehnicheskaja informacija. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems]. 1997, no. 5, pp. 1–10 (in Russian).
14. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshhej psihologii* [Basics of general psychology]. Moscow: Uchpedgiz, 1946, 704 p. (in Russian).
15. Behrendt R.P., Young C. Hallucinations in schizophrenia, sensory impairment, and brain disease: a unifying model. *Behav. Brain Sci.* 2004, vol. 27, no. 6, pp. 771–787.
16. Cook C. *Hearing voices, demonic and divine: scientific and theological reflections*. London: Routledge, 2018, 258 p.
17. De Leede-Smith S., Barkus E. A comprehensive review of auditory verbal hallucinations: lifetime prevalence, correlates and mechanisms in healthy and clinical individuals. *Frontiers in human neuroscience*. 2013, vol. 7, no. 367, pp. 1–25.
18. Deikman A.J. De-automatization and the Mystic Experience. *Psychiatry*. 1966, vol. 29, no. 4, pp. 324–338.
19. Dein S., Loewenthal K.M. *Editorial. Mental Health, Religion & Culture*. 1999, vol. 2, no. 2, pp. 101–104.
20. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed.* American Psychiatric Association. Washington, DC: American Psychiatric Association, 2013. 947 p.
21. Duncombe M. Thought as Internal Speech in Plato and Aristotle. *Logical Analysis and History of Philosophy*. 2016, vol. 19, pp. 105–125.
22. Fernyhough C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations. *New Ideas in Psychology*. 2004, vol. 22, no. 1, pp. 49–68.
23. Hagen F.W. Zur theorie de hallucination. *Allg. Z. Psychiatr* [General Journal of Psychiatry]. 1868, vol. 25, pp. 1–107. (in German).
24. Jardri R., Pouchet A., Pins D., Thomas P. Cortical activations during auditory verbal hallucinations in schizophrenia: a coordinate-based meta-analysis. *Am. J. Psychiatry*. 2011, vol. 168, no. 1, pp. 73–81.
25. Jaspers K. *Allgemeine Psychopathologie* [General psychopathology], 1st ed. Berlin: Springer, 1913. (in German).
26. Kapur S. Psychosis as a state of aberrant salience: a framework linking biology, phenomenology, and pharmacology in schizophrenia. *Am. J. Psychiatry*. 2003, vol. 160, no. 1, pp. 13–23.
27. Murray E.D., Cunningham M.G., Price B.H. The role of psychotic disorders in religious history considered. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2012, vol. 24, no. 4, pp. 410–426.
28. Slade P.D., Bentall R.P. *Sensory Deception: A Scientific Analysis of Hallucination*. London: Croom Helm, 1988.
29. Underhill E. *Mysticism: A Study of the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness*, 4rd ed. London: Methuen, 1912. 600 p.
30. van der Zwaard, R., Polak, M.A. Pseudohallucinations: A pseudoconcept? A review of the validity of the concept, related to associate symptomatology. *Comprehensive Psychiatry*. 2001, vol. 42, no. 1, pp. 42–50.
31. van Merrelo A., van der Stap T. *Voice, Religion and Mysticism. Accepting Voices*. London: Mind Publications, 1993.
32. Waugh P. The novelist as voice hearer. *The Lancet*. 2015, vol. 386, no. 10010, pp. e54–e55.

Submitted for publication: May 07, 2020.

Accepted for publication: July 07, 2020.

Published: October 8, 2020.